ВОСПОМИНАНІЯ О ЛЯЛИЧАХЪ.

ВЪ БУМАГАХЪ моего недавно умершаго родственника я нашелъ тетрадку черновыхъ писемъ, среди которыхъ оказалось нѣсколько заключающихъ въ себѣ воспоминанія о знаменитыхъ въ свое время Ляличахъ, имѣніи фаворита императрицы Екатерины II, графа Завадовскаго. Мнѣ неизвѣстно, кому были адресованы эти письма, такъ какъ никакихъ отмѣтокъ на нихъ не оказалось, кромѣ нумеровъ. Эти воспоминанія хотя и отрывочны и не полны, но, мнѣ кажется, все-таки имѣютъ историческую цѣнность. Это письма очевидца, человѣка, который прожилъ въ Ляличахъ нѣкоторое время, видѣлъ и слышалъ тамъ много интереснаго. Они дополняютъ и отчасти измѣняютъ то, что было уже сообщено о Ляличахъ и ихъ владѣльцахъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за 1901 и 1902 гг.

Предлагаемыя письма написаны, вѣроятно, въ началѣ 80-хъ годовъ, но по содержанію своему относятся, главнымъ образомъ, къ 50-мъ и 60-мъ годамъ прошлаго столѣтія, т. е. къ тому времени, когда Ляличами владѣлъ Н. А. Атрыганьевъ, «одинъ изъ типичныхъ представителей вымирающаго барства», какъ называетъ его г. Брешко-Брешковскій (газета «Россія» 1901 г.).

Для постоянныхъ читателей «Историческаго Вѣстника» эти письма будутъ служить продолженіемъ того, что уже было сказано о Ляличахъ. Кромѣ того, есть еще, вѣроятно, лица, помнящія Ляличи той эпохи. Для нихъ будетъ пріятно воскресить въ памяти время, проведенное въ этомъ гостепріимномъ домѣ, и, можетъ быть, кто-нибудь дополнитъ эти отрывочныя письма болѣе подробными и цѣльными воспоминаніями.

I.

Воспоминанія о Ляличахъ.

Недалеко отъ Суража домъ красуется богатый,
Убранъ онъ и разукрашенъ, словно царскія палаты,
И въ концахъ далекихъ парка, какъ и прежде, павильоны
Невредимы; въ нихъ красуясь, такъ же милы купидоны.
Здѣсь-то радости безъ счета, здѣсь восторги наслажденій,
Вотъ гдѣ, думаетъ прохожій, вѣчно бъ жить въ уединеньи,
Далеко отъ шумной жизни, глупо чопорной и бурной,
Далеко отъ пошлой лѣни и условности мишурной.

Изъ неизданной поэмы „Ляличи“ Л—на.

Послѣ утомительнаго пути по лѣсной дорогѣ наконецъ-то мы подъѣхали къ Ляличамъ... По красивой широкой аллеѣ мы въѣхали на громадный дворъ, посреди котораго возвышалась цвѣточная клумба, и на ея вершинѣ были поставлены массивные солнечные часы. На грандіозномъ подъѣздѣ, подъ главнымъ портикомъ дворца, насъ встрѣтилъ почтеннаго вида дворецкій и проводилъ въ предназначенныя для гостей комнаты. Онъ сообщилъ намъ, что хозяева съ гостями уѣхали въ лѣсъ на прогулку и вернутся только къ вечеру.

Изрядно утомленные ѣздой на перекладныхъ, пообѣдавъ, мы хорошо отдохнули, а когда спала жара, пошли навстрѣчу хозяевамъ по направленію къ лѣсу. Только что мы вышли за ворота, какъ были несказанно удивлены невиданнымъ до сей поры зрѣлищемъ: по дорогѣ изъ лѣса прямо на насъ шелъ настоящій желѣзнодорожный поѣздъ. Локомотивъ съ подкладными рельсами тащилъ нѣсколько открытыхъ вагоновъ, наполненныхъ публикой. На локомотивѣ стоялъ и управлялъ имъ самъ Николай Алексѣевичъ.

Когда мы поздоровались со знакомыми и перезнакомились съ остальными гостями, Николай Алексѣевичъ разсказалъ намъ слѣдующее: онъ привезъ эту желѣзную дорогу изъ Англіи съ цѣлью доставлять при ея помощи строевыя и мачтовыя деревья изъ своихъ лѣсовъ до сплавной рѣки Ипути или въ Клинцы. (Лѣсу было, кажется, 17 тыс. десятинъ). Онъ не захотѣлъ продать этотъ лѣсъ англичанамъ, предлагавшимъ ему громадныя деньги, и рѣшилъ, не давая обогащаться иностранцамъ, сводить и продавать этотъ лѣсъ самолично. А пока эта дорога служитъ для веселыхъ прогулокъ въ лѣсъ...

Когда все общество собралось въ гостиной, къ роялю подошелъ одинъ изъ гостей, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, Григорій Андреевичъ Лишинъ[1]). Всѣ стали просить его продекламировать и сыграть...

---

[1]) Г. А. Лишинъ, впослѣдствіи молодекламаторъ, авторъ многихъ оперъ («Цыгане», «Графъ Нулинъ» и др.), авторъ множества романсовъ и стихотвореній, изъ

и онъ началъ мелодекламацію. Теперь не помню, что исполнялъ онъ, но зато какъ сейчасъ мнѣ слышится его пріятный, въ душу проникающій голосъ. Слушать его мелодекламацію было истиннымъ наслажденіемъ. Потомъ читалъ свои звучные стихи его братъ, гвардейскій офицеръ (кажется, стрѣлокъ). Затѣмъ извѣстный А. С. Ш—й пропѣлъ чудный романсъ Павлова «Не называй ее небесной и у земли не отнимай».

И въ заключеніе нашъ любезный хозяинъ Николай Алексѣевичъ сыгралъ нѣсколько пьесъ на роялѣ и свою композицію на гармоникордѣ (родъ органа). Но вотъ къ нему подошла его красавица-жена Екатерина Иларіоновна и начала пѣть швейцарскую народную пѣсню; голосъ у нея былъ небольшой, но очень пріятный. Николай Алексѣевичъ сначала аккомпанировалъ, а потомъ перешелъ постепенно на полную чарующей прелести импровизацію и закончилъ ее такой потрясающей волной рыдающихъ звуковъ, что всѣ мы замерли на мѣстѣ и долго не могли прійти въ себя... многіе плакали. Такія минуты истиннаго вдохновенія приходятъ не часто, но зато никогда не забываются.

Николай Алексѣевичъ очень мало печаталъ, и его немногія изданныя произведенія теперь, вѣроятно, представляютъ библіографическую рѣдкость.

Въ заключеніе этого письма не могу не разсказать слышанную мною исторію жизни упомянутаго выше А. С. Ш—й.

Не признанный своимъ законнымъ отцомъ, былъ онъ отданъ въ воспитательный домъ, служилъ потомъ мальчикомъ въ ламповомъ магазинѣ, потомъ сдѣлался пѣвчимъ въ придворной капеллѣ. Дѣло о возстановленіи его въ нравахъ возбудилъ его дядя, предводитель дворянства Б—а, затѣмъ его голосъ замѣтила великая княгиня Марія Николаевна, дѣлу былъ данъ ходъ, но оно шло очень медленно, наконецъ на маскарадѣ жена его (урожд. Ф—ръ) разсказала подробности дѣла государю, и Николай Павловичъ потребовалъ все дѣло къ себѣ, и очень скоро А. С. былъ возстановленъ въ своихъ правахъ.

которыхъ особенно замѣчательны «Княжна Зося» и «Памятнику Глинки», энергичный музыкальный дѣятель и прекрасный человѣкъ.

Иванъ Андр., его братъ, видный общественный дѣятель, предсѣдатель самарской земской управы. Военную службу онъ долженъ былъ оставить по слѣдующему случаю: будучи человѣкомъ пылкой и восторженной натуры, когда началась война на Балканахъ, онъ одинъ изъ первыхъ попросился въ добровольцы (въ это время онъ уже командовалъ полкомъ), но получилъ отказъ. Тогда онъ взялъ кратковременный отпускъ, составилъ свой отрядъ на собственный счетъ и во главѣ его отправился на войну и геройски сражался съ турками. Возвратясь, онъ долженъ былъ оставить службу изъ-за непріятностей, которыя вышли по случаю его ухода на войну. Поселившись въ имѣніи, онъ со свойственной ему энергіей принялся за общественную дѣятельность и много работалъ по земству. Онъ велъ интересныя записки, но судьба ихъ мнѣ неизвѣстна. Умеръ онъ, кажется, въ 1892 году отъ Брайтовой болѣзни, которая свела въ могилу и его талантливаго брата. Е. С.

II.

Н. А. Атрыганьеву въ альбомъ.

(Стихотвореніе N. N.).

Вельможа знатный и богатый
Построилъ этотъ дивный домъ;
Любезный, ловкій, тароватый,
Знатокъ въ искусствѣ, galant-homme,
Любитель древностей различныхъ,
Собралъ онъ много здѣсь чудесъ,
Твореній мастеровъ отличныхъ
И чудныхъ статуй цѣлый лѣсъ.
Прошли года, замолкъ дворецъ,
Вельможа умеръ, все заснуло...
Веселью здѣсь насталъ конецъ,
Былое въ Летѣ утонуло...
Венера, Геба и Меркурій
Скучали въ тишинѣ дворца...
Но вотъ явился новый Туллій,
И вновь веселье безъ конца!
Рѣкой обильной вина льются,
И вновь искусства на алтарь
И жертвы и дары несутся,
Какъ было при вельможѣ, встарь.
Венера, Геба и Меркурій
Забыли свой печальный сонъ,
Въ саду толпа веселыхъ гурій
И съ ними самъ Анакреонъ!

Всѣ девять музъ соединились,
Чтобы плѣнять гостей твоихъ,
И вотъ ко мнѣ онѣ явились,
Чтобъ вдохновить мой слабый стихъ.
О, если бъ данъ мнѣ былъ богами
Талантъ,—запѣлъ бы, какъ Пиндаръ,
Чтобъ громко, звучными стихами
Воспѣть Екатеринодаръ.

На слѣдующій день мы пошли съ Николаемъ Алексѣевичемъ и съ гостями смотрѣть знаменитаго рысака «Негодяя»—гордость атрыганьевскаго завода. Эта была великолѣпная лошадь. Смотрѣли манежъ и конюшни; это были дворцы въ своемъ родѣ. Николай Алексѣевичъ былъ знатокомъ и большимъ любителемъ лошадей; его заводъ считался однимъ изъ первыхъ въ Россіи, его лошади бѣжали и одерживали побѣды не только въ Россіи, но даже и за границей. Была особая комната въ ляличскомъ дворцѣ, гдѣ сохранялись призы художественной работы. Особенно помню одинъ: серебряный

рысакъ въ бѣговыхъ дрожкахъ и съ русскимъ кучеромъ... Были и портреты лошадей, рисованные Сверчковымъ.

Послѣ обѣда поѣхали смотрѣть паркъ. Поѣхали, а не пошли, потому что паркъ этотъ занималъ громадное пространство, онъ былъ окруженъ каменной стѣной. Въ паркѣ помѣщался звѣринецъ, въ которомъ на свободѣ водились различныя дикія животныя, для охоты. Изъ прежнихъ обитателей этого парка я замѣтилъ нѣсколько лосей, очень смѣлыхъ, близко подходившихъ къ дорогѣ.

При постройкѣ этой стѣны случилась очень характерная для той эпохи исторія.

Часть этой стѣны примыкала къ саду какого-то мелкопомѣстнаго владѣльца. Завадовскій, осматривая постройку, замѣтилъ недалеко отъ возводимой стѣны, на землѣ этого помѣщика, старый и красивый дубъ. Ему захотѣлось присоединить этотъ дубъ къ своему парку, и онъ сейчасъ же послалъ за помѣщикомъ и, когда тотъ явился, предложилъ ему продать этотъ участокъ земли съ растущимъ на немъ дубомъ за очень большую сумму. Помѣщикъ былъ упрямъ и ни за что не желалъ продать этотъ дубъ. Тогда Завадовскій, истощивъ всѣ способы уговора, пригласилъ его на ужинъ, во время котораго возобновилъ свою просьбу, но, получивъ рѣшительный отказъ, напоилъ его допьяна, велѣлъ уложить его въ бричку и насыпать въ нее серебра, сколько помѣстится...

Когда помѣщикъ на слѣдующее утро проснулся, то съ изумленіемъ замѣтилъ, что спорный дубъ уже отдѣленъ отъ его владѣній высокой каменной стѣной, выросшей какъ бы изъ земли въ одну ночь.

Вздумалъ было помѣщикъ ѣхать жаловаться на Завадовскаго высшему начальству, велѣлъ запрягать свою бричку, но когда изъ нея выгрузили серебро и сосчитали его, то упрямый помѣщикъ никуда не поѣхалъ. Сумма денегъ была не маленькая, на эти деньги можно было купить цѣлое имѣніе. Къ тому же онъ, вѣроятно, вспомнилъ пословицу: «съ сильнымъ не борись—съ богатымъ не судись». Да и въ самомъ дѣлѣ, куда было тягаться ему съ всесильнымъ вельможей, передъ которымъ трепетали всѣ мѣстныя власти...

Въ паркѣ былъ охотничій домикъ, сторожки, бесѣдки въ видѣ древнихъ храмовъ со статуями, много искусственныхъ сооруженій, и большое озеро, замѣчательное своей плотиной, основаніе которой было сдѣлано на сваяхъ, вбитыхъ вплотную одна около другой.

На этомъ озерѣ устраивались грандіозныя катанья на лодкахъ и на катерѣ съ фейерверками и военной музыкой, которая часто бывала въ Ляличахъ, потому что вблизи не помню гдѣ—въ Клинцахъ, въ Суражѣ или въ Стародубѣ, стояли войска. Командиры полковъ и все офицерство подолгу гостили въ гостепріимныхъ Ляличахъ. Одинъ изъ этихъ полковъ почему-то назывался Неаполитанскимъ (вѣроятно, по своему шефу). Командиромъ одного изъ этихъ полковъ

былъ извѣстный впослѣдствіи Ал. Ром. Дрентельнъ. Помню фамиліи нѣкоторыхъ офицеровъ: три друга—Калинъ, Колинъ и Кавелинъ. Два брата Ганъ, близнецы, были такъ похожи другъ на друга, что барышни во время танцевъ ихъ смѣшивали и для отличія прикалывали имъ разноцвѣтные бантики... и М. М. Колесницкій, замѣчательный мазуристъ.

Въ паркѣ находился маленькій домикъ, въ которомъ была комната съ глухими стѣнами и только одной маленькой дверью. По преданію, эта комната во времена Завадовскаго была наполнена до самаго потолка монетами. И дѣйствительно, Николай Алексѣевичъ разсказывалъ намъ, что его маленькая дочь Катя [1]) находила въ этой комнатѣ много различныхъ монетъ, застрявшихъ между плитами каменнаго пола.

Однажды въ отсутствіе Николая Алексѣевича къ Екатеринѣ Иларіоновнѣ пришелъ очень старый и дряхлый дворовый человѣкъ и сообщилъ ей подъ секретомъ, что въ одномъ изъ подваловъ дворца, «подъ сѣверной звѣздой» замурованъ громадный кладъ, что онъ самъ былъ каменщикомъ и закладывалъ стѣну въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ спрятанъ этотъ кладъ. Онъ никому до сихъ поръ не говорилъ объ этомъ и наконецъ, чувствуя приближеніе смерти, рѣшился показать это мѣсто Екатеринѣ Иларіоновнѣ, такъ какъ очень любитъ и уважаетъ свою новую госпожу. Онъ предложилъ сводить ее въ подвалы и показать это мѣсто, но только съ условіемъ, чтобы никто другой не зналъ объ этомъ. Екатерина Иларіоновна не рѣшилась итти съ нимъ въ подвалы, потому что онъ былъ очень дряхлъ и она боялась, что онъ умретъ въ подвалѣ. Нужно сказать, что тамъ были тяжелыя двери изъ кованаго желѣза, и Екатерина Иларіоновна думала, что какая-нибудь изъ этихъ подъемныхъ дверей можетъ захлопнуться и она не выйдетъ изъ этихъ таинственныхъ подваловъ.

Спускъ въ подвалы былъ отложенъ до пріѣзда Николая Алексѣевича, а затѣмъ про это совершенно забыли. Тѣмъ временемъ старикъ умеръ, а съ нимъ умерла и тайна возможнаго клада.

При Энгельгардтѣ, который владѣлъ Ляличами до Атрыганьева, былъ случайно найденъ массивный серебряный сервизъ, замурованный въ стѣнѣ дворца. Вбивали гвоздь, чтобы повѣсить картину, выскочилъ цѣлый кирпичъ и, падая внутрь стѣны, ударился о что-то металлическое: тогда разломали часть стѣны и открыли нишу, въ которой былъ скрытъ этотъ кладъ.

Подобный случай съ вбиваемымъ въ стѣну гвоздемъ былъ и при Атрыганьевѣ, но онъ, несмотря на просьбы бывшихъ при этомъ лицъ, не позволилъ открывать клада, потому что не пожелалъ портить художественной отдѣлки стѣны.

---

[1]) Впослѣдствіи княгиня Мещерская, дѣятельная помощница своего мужа по народному образованію въ Климовичскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ былъ предводителемъ дворянства. *Е. С.*

Между спальней и уборной была маленькая комната, въ стѣнѣ которой была потайная дверь, ведущая въ подземный ходъ, по которому никто не рѣшался, или не интересовался спуститься. Говорили, что онъ идетъ до самаго озера и въ какой-то склепъ.

III.

Екатерина здѣсь Вторая
Гостила,—такъ молва гласитъ,
Народъ преданіе хранитъ,—
Екатерина же другая,
Красой, любезностью, умомъ
Своихъ гостей обворожая,
Преобразила старый домъ
Въ роскошный храмъ земного рая.

М—овъ.

На слѣдующій день мы осматривали цвѣтники, оранжереи, грунтовые сараи и пр. Оранжереи были построены Завадовскимъ и улучшены Николаемъ Алексѣевичемъ. Надъ громадной пальмой ему пришлось построить отдѣльный куполъ, такъ какъ она настолько выросла, что упиралась своей верхушкой въ стеклянную крышу оранжереи. Садомъ завѣдывалъ Густавъ Ивановичъ Гринвальдъ [1]).

У стѣнъ дворца на верандѣ были выставлены померанцевыя деревья, верхушками достававшія до оконъ второго этажа.

Цвѣтники намъ показывала сама Екатерина Иларіоновна, она была большая любительница сада и состояла дѣятельнымъ членомъ россійскаго общества садоводства, помнится, что въ то время вице-президентомъ этого общества былъ Регель. Не мудрено, что цвѣтники отличались изяществомъ и вкусомъ, такъ какъ Екатерина Иларіоновна имѣла большія художественныя способности, она недурно рисовала и прекрасно лѣпила. Въ Петербургѣ она работала подъ руководствомъ Пименова и барона Клодта и, живя въ Ляличахъ, не теряла связи съ художественнымъ міромъ. Она мнѣ показывала очень интересныя письма Ивана Ковшенкова, автора цѣлой серіи статуэтокъ, изображавшихъ военныя сцены и обмундированіе различныхъ полковъ, которыя дѣлались имъ по заказу государя и для членовъ царской фамиліи.

Однажды она вылѣпила статуэтку, изображавшую крестьянскую дѣвушку, въ раздумьи остановившуюся у ручейка, и гипсовую копію послала своему хорошему знакомому А. П. Опочинину [2]). Вотъ стихотвореніе, которымъ Опочининъ отвѣтилъ на этотъ подарокъ:

---

[1]) Впослѣдствіи служившій въ Знаменскомъ или Петергофѣ, если не ошибаюсь старшимъ садовникомъ. Е. С.

[2]) Авторъ многихъ остроумныхъ стиховъ и памфлетовъ и между прочимъ извѣстнаго въ свое время стихотворенія, начинавшагося такъ: «Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ раздѣлитъ Русь на картѣ указательнымъ перстомъ». Е. С.

Привѣтъ статуйкѣ.

Въ моей угрюмой тихой кельѣ
Вдругъ стало весело, свѣтло:
Ко мнѣ сейчасъ на новоселье
Созданье милое вошло.
Отрадно мнѣ твое явленье:
Хоть гостья каменная ты,
Но все жъ въ моемъ уединеньи
Съ тобою меньше пустоты.
Тобой любуясь, я мечтаю,
Твой видъ задумчивый любя;
И безпрестанно вспоминаю,
Чьи ручки создали тебя.
Красотка, молви мнѣ словечко...
Но нѣтъ! головку наклоня,
Она все смотритъ на колечко,
И нѣтъ ей дѣла до меня.
А я все жду, быть можетъ, взглянетъ
И не грустна, не холодна,
Вдругъ улыбнется мнѣ она
Иль пальчикъ гипсовый протянетъ!

Вотъ еще одно стихотвореніе, написанное въ альбомъ Екатерины Иларіоновны однимъ изъ поклонниковъ ея таланта, которому была обѣщана вылѣпленная ею статуэтка, но почему-то подарена другому лицу:

Въ моей груди кипитъ волканъ:
Вы не сдержали обѣщанья,
Статуйкой завладѣлъ Эльканъ...
Пропали всѣ мои старанья.

Но, потерявъ оригиналъ,
Молю (готовъ стать на колѣни),
Чтобъ глины Ковшенковъ прислалъ,
Чтобъ Богъ избавилъ васъ отъ лѣни.

И чтобы создали вы вновь
Еще одно такое диво:
Изъ глины тѣло, кости, кровь,
Такъ просто, скоро и правдиво!..

У Екатерины Иларіоновны было много рисунковъ Сверчкова, преимущественно наброски лошадей и разныхъ животныхъ; эти рисунки были прекрасны, но фигуры людей и портреты были довольно слабы; онъ нѣсколько разъ пробовалъ рисовать портретъ Екатерины Иларіоновны, но почти всегда неудачно, сходства было мало. Хорошій портретъ Екатерины Иларіоновны акварелью написанъ Орестомъ Томашевскимъ въ 1853 году. Большая картина—

портретъ Николая Алексѣевича, гдѣ онъ изображенъ верхомъ на лошади, въ черкескѣ, въ формѣ казачьяго сотника, писана двумя художниками помнится, что лошадь писалъ на этой картинѣ Сверчковъ.

IV.

По преданью, въ этомъ домѣ
Жилъ бояринъ именитый.
Мнѣ разсказывалъ былины
Про него старикъ маститый.
Сѣдъ, какъ лунь, слѣпой и слабый,
Весь морщинами покрытый,
Про бояръ и про боярынь
Зналъ столѣтній старецъ много.
Судъ въ словахъ его суровыхъ
Былъ рѣшительный и строгій.
«Въ этомъ домѣ былъ порядокъ,—
Говорилъ онъ,—и бывало
У него гостей безъ счету
И царица навѣщала.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Не разсказывали люди...
Развѣ выпьютъ,—такъ бывало
Проболтаются порядкомъ,
Да не намъ и знать пристало!»
—«Что жъ, спасибо и на этомъ.
Будь здоровъ, живи подольше,
А какъ встрѣтимся,—надѣюсь—
Поразскажешь и побольше.

(Изъ поэмы „Ляличи").

Память объ императрицѣ Екатеринѣ Второй еще жива среди здѣшнихъ обитателей... Крестьяне разсказываютъ, что до сихъ поръ разъ въ годъ, ночью къ дворцу подъѣзжаетъ золотая карета и изъ нея выходитъ царица. На крыльцѣ встрѣчаетъ ее старый вельможа и ведетъ подъ руки во внутренніе покои... Разсказываютъ также про таинственную черную даму, которая появляется иногда по почамъ и гуляетъ по заламъ и по парку.

Дворецъ построенъ Завадовскимъ по плану Гваренги. Привожу нѣсколько цифръ, онѣ дадутъ представленіе о грандіозности постройки. Главный трехъэтажный корпусъ имѣетъ 20 саженъ длины и 8 саженъ вышины до крыши. Общая вышина съ ротондой и куполомъ 12 саженъ. Разстояніе отъ праваго до лѣваго крыла, т. е. длина всего дворца по прямой линіи, 58 саженъ. Вышина одноэтажныхъ крыльевъ-флигелей $4^1/_2$ сажени. Окна 1-го этажа имѣютъ безъ малаго 2 сажени вышины. Портикъ поддерживается шестью

колоннами коринѳскаго ордена. Вышина портика съ фронтономъ—6 саженъ. Портикъ украшенъ тремя статуями, каждая по 4 аршина вышины. Оконныхъ и дверныхъ отверстій по наружнымъ стѣнамъ, не считая подвальныхъ, 184. Жилыхъ комнатъ 81. Комнаты второго этажа двухсвѣтныя, центральный залъ трехсвѣтный съ хорами.

Во дворцѣ было много старинныхъ и драгоцѣнныхъ вещей: канделябры, люстры, часы, великолѣпные гобелены [1]), картины, масса бронзы и произведеній искусства украшали строго выдержанныя въ стилѣ имперіи комнаты.

Круглая библіотека снизу доверху была наполнена книгами и рукописями въ кожаныхъ переплетахъ. Тамъ сохранялась интересная рукопись Петра Великаго, тетрадка личнаго расхода государя. На обложкѣ этой тетради было написано: «Очки» [2]). Тамъ же былъ замѣчательный географическій атласъ амстердамскаго изданія, эпохи Петра Великаго. Впослѣдствіи библіотека эта была куплена генеральшей Давыдовой.

V.

Одною нѣжностью богатъ,
Какъ правда, сердцемъ обнаруженъ,
Какъ непорочность, безоруженъ,
Какъ постоянство, не крылатъ,
Онъ былъ въ Астреинъ вѣкъ. Уже мы не находимъ
Его нигдѣ, но жизнь въ исканіи проводимъ.

(Подпись подъ статуей Амура въ паркѣ).

Въ Ляличахъ въ особой комнатѣ стояла кровать, украшенная одноглавымъ орломъ, и бюро замѣчательной работы, съ бронзой и медальонами работы Буше. Эти вещи принадлежали Маріи-Антуанеттѣ. Онѣ были куплены послѣ ея казни въ Тріанонѣ для Екатерины Второй, но государыня не взяла ихъ во дворецъ, такъ какъ онѣ напоминали ей трагическую смерть французской королевы, и вещи эти достались Завадовскому, который и перевезъ ихъ въ свои Ляличи. Дальнѣйшая судьба этихъ вещей мнѣ неизвѣстна, вѣроятно, ихъ купилъ антикварій Линевичъ [3]).

Во дворцѣ было много картинъ старыхъ мастеровъ. Николай Алексѣевичъ самъ былъ довольно извѣстнымъ художникомъ-пей-

---

[1]) Одинъ изъ нихъ находится въ настоящее время во дворцѣ Трокадеро въ Парижѣ, другой Екатерина Иларіоновна подарила своему доктору и другу профессору и лейбъ-акушеру А. Я. Красовскому. Е. С.

[2]) Эту драгоцѣнную тетрадку Екатерина Иларіоновна подарила своему родственнику, извѣстному профессору и публицисту О. О. Миллеру. Е. С.

[3]) Бюро теперь находится въ Луврѣ, а кровать—въ Кенсингтонскомъ музеѣ. Судьба этихъ вещей болѣе подробно описана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1902 г. (январь, февраль, мартъ). Е. С.

зажистомъ, но относился въ то время къ своему таланту безъ должнаго вниманія и работалъ мало. Онъ былъ другомъ извѣстнаго художника Мещерскаго. Однажды онъ сдѣлалъ копію съ его картины, поставилъ ее въ одинаковую съ оригиналомъ раму, и самъ Мещерскій не могъ отличить своей работы отъ копіи. Это не была кропотливая, точная работа, а только особая способность улавливать и передавать чужую манеру, чужой «мазокъ».

Много лѣтъ спустя, когда Ляличи были проданы, Николай Алексѣевичъ долженъ былъ писать картины для продажи, это было почти единственнымъ источникомъ его существованія. Николай Алексѣевичъ былъ дѣятельнымъ членомъ мюссаровскихъ понедѣльниковъ.

Тонкій знатокъ по всѣмъ отраслямъ искусства, веселый, остроумный, простой и вмѣстѣ съ тѣмъ утонченно деликатный въ обращеніи со всѣми, Николай Алексѣевичъ обладалъ особенной способностью сразу очаровать всѣхъ, кто съ нимъ встрѣчался на жизненномъ пути.

Въ Ляличахъ всегда было очень много гостей. Люди, интересующіеся искусствомъ во всѣхъ его проявленіяхъ, стремились туда потому что находили удовлетвореніе своихъ возвышенныхъ стремленій въ обществѣ Николая Алексѣевича, его супруги Екатерины Иларіоновны, художниковъ и музыкантовъ, часто посѣщавшихъ Ляличи, а другую часть ляличскихъ гостей привлекали лукуловскіе обѣды, замѣчательный винный погребъ, шампанское, лившееся рѣкой, или просто общеніе съ молодежью, балы, дававшіеся на славу.

Ляличскіе маскарады отличались особымъ оживленіемъ и продолжались по нѣсколько дней подъ рядъ. Запрягались всевозможные экипажи, начиная отъ громадныхъ охотничьихъ саней и кончая розвальнями. Маскированные отправлялись оригинальнымъ кортежемъ къ сосѣдямъ, забирали ихъ съ собой, и все громадное общество возвращалось въ Ляличи, чтобы еще нѣсколько дней беззаботно веселиться и танцовать.

Одинъ изъ этихъ маскарадовъ чуть было не кончился драмой. Это было во время повстанья—во многихъ мѣстахъ ожидали нападенія польскихъ бандъ. По дорогамъ всю ночь горѣли костры. Часть гостей въ польскихъ костюмахъ, конечно, въ маскахъ, поѣхала къ одной сосѣдней помѣщицѣ. Тамъ не ожидали гостей, приняли ихъ за поляковъ, открыли по нимъ стрѣльбу, кто-то упалъ въ обморокъ, но въ концѣ концовъ все обошлось благополучно.

Въ это же приблизительно время въ Ляличи пріѣхалъ незнакомый офицеръ и объявилъ, что желаетъ купить большое число лошадей; послѣ осмотра ихъ быстро собрался и уѣхалъ, сказавъ, что пришлетъ за лошадьми своихъ людей. Потомъ оказалось, что этотъ

офицеръ былъ не кто иной, какъ знаменитый «Топоръ». Онъ хотѣлъ завладѣть лошадьми для повстанцевъ, но, вѣроятно, рѣшилъ, что взять приступомъ ляличскую крѣпость слишкомъ трудно. Въ Ляличахъ однихъ дворовыхъ было около двухсотъ человѣкъ.

VI.

Губернаторъ часто посѣщалъ Ляличи. Сосѣдніе предводители дворянства и вся мѣстная дворянская знать гащивали тамъ подолгу. Архіерей во время своихъ поѣздокъ по губерніи заѣзжалъ въ Ляличи, гдѣ его встрѣчали съ подобающимъ почетомъ. Для ночлега отводили ему комнату, въ которой помѣщалась мебель Маріи-Антуанетты, и онъ спалъ на ея кровати. (Интересно знать, какіе сны ему снились тогда?) Припоминаю фамиліи нѣкоторыхъ лицъ, посѣщавшихъ въ то время Ляличи: И. Н. Дурново, впослѣдствіи министръ, тогда онъ былъ, кажется, черниговскимъ предводителемъ дворянства, Баратовъ, Бороздна, Лайкевичъ—родственники Завадовскаго, у нихъ былъ интересный современный портретъ кого-то изъ Завадовскихъ (съ негритенкомъ); Энгельгардтъ, Клейнмихель, Бригенъ, Савичъ, Ширяй, Лишины, Шабельскіе, Галицынъ, Давыдовы, Искрицкіе, князья Мещерскіе, инженеръ Марковъ, Полетика, Чернолуцкіе, Миклашевскіе; братья Николая Алексѣевича: Петръ Алексѣевичъ, женатый на извѣстной въ свое время въ Петербургѣ красавицѣ А. А. Рачъ, другой братъ Александръ Алексѣевичъ, инженеръ, и третій братъ, Михаилъ Алексѣевичъ, бывшій морякъ и петергофскій предводитель дворянства.

Управляющимъ былъ г. Графъ. Завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ мадамъ Маркеръ, дама 9-ти пудовъ вѣсомъ, вполнѣ подходившая по внушительности своего вида къ обстановкѣ ляличскаго дворца.

Въ верхнемъ этажѣ дворца жилъ дядька Николая Алексѣевича. Этотъ старикъ давнымъ-давно получилъ вольную, но не хотѣлъ уходить отъ своего бывшаго воспитанника. Помню, что онъ былъ большой любитель птицъ, и у него въ особой комнатѣ съ рѣшетками на окнахъ водилось множество канареекъ. Его юбилей былъ торжественно отпразднованъ въ семьѣ Атрыганьевыхъ и сдѣланы были ему цѣнные подарки.

На этомъ мѣстѣ письма обрываются.

Прибавлю нѣсколько словъ отъ себя. Всѣ владѣльцы Ляличей до Атрыганьева включительно поддерживали этотъ роскошный дворецъ—твореніе Гваренги. Но вотъ прошли года, и наступила для Ляличей печальная пора постепеннаго разрушенія. Г. Брешко-

Брешковскій въ газетѣ «Россія» за 1901 г. яркими красками написалъ печальную картину нынѣшняго положенія Ляличей.

Не буду повторять его словъ, скажу только, что всякій, кому дороги памятники прошлаго и произведенія искусства, можетъ справедливо упрекнуть въ вандализмѣ тѣхъ, кому сіе вѣдать надлежало. Невольно возмущается сердце, когда проходишь мимо памятниковъ старины, искалѣченныхъ грубыми перестройками (особенно замѣтны эти безобразныя искаженія въ постройкахъ строгаго и величественнаго стиля Empire); но каково видѣть полное разрушеніе этихъ поэмъ изъ камня и бронзы, разрушеніе, которому помогаютъ сами владѣльцы этихъ сокровищъ!

Пора наконецъ обратить на это вниманіе и законодательнымъ путемъ запретить дальнѣйшее уничтоженіе родной художественной старины.

Е. С.